

Мария Сергеевна уже пожилой человек, пенсионерка.

И когда она сталкивается с проявлением грубости, хамства, просто равнодушия и безразличия к людям, то вспоминает одну давнюю историю, которая произошла с ней лично. Да нет, какая там история! Просто смешное приключение, комический случай. Очень похожий на анекдот, этот случай, тем не менее, был в действительности чистой правдой от начала до конца, до малейших подробностей. И он для нее лично таил в себе очень большой смысл, поскольку как бы являлся символом нравственных ценностей прошлого времени, с которыми она жила всю жизнь и которые, как ей казалось до недавнего времени, были естественными, единственно правильными и незыблемыми. Нынешние моральные принципы, которые все больше овладевали обществом, она решительно не принимала.

А случай этот с ней произошел в начале 80-х, когда они с мужем возвращались из Крыма, из отпуска. Мария Сергеевна сидела в своем куде у окна и любовалась просторными полями и перелесками. День был не жаркий, но солнечный, небо без облачка Чудесный день конца августа в благодатном южном краю.

Вдруг она почувствовала, что их поезд замедляет ход. «Наверное, станция, - подумала она, - надо что-нибудь купить поесть». Предупредить мужа, курившего в тамбуре, ей было некогда: станция была явно невелика, а значит, стоянка будет недолгой. Схватив корзинку, купленную в Евпатории у местных умельцев, она ринулась вперед: ведь их вагон последний и может не дотянуть до станции. Корзинка ей очень нравилась: высокая, с крышкой и двумя ручками. Из каких-то прутьев двух цветов: желтого и коричневого. Она сыграет определенную роль в ее приключении. Свою роль сыграют и красные тапочки, вернее, шлепанцы, которые сейчас хлопали по ее пяткам. Выскочив на перрон из чужого уже вагона, Мария Сергеевна обомлела. Вместо скучных лоточниц с неизменными беляшами, пирожками и тощими бутербродами она увидела длиннющий ряд выстроившихся вдоль перрона местных жителей, в основном конечно, женщин. А у их ног заманчиво переливалось многоцветье овощей и фруктов, плодов их щедрой земли и трудолюбивых рук. Морковь, огурцы, помидоры, яблоки, сливы, виноград... Всего не пере-

РАСТЯПА

числишь. А цены! Такие низкие цены были неведомы ни в ее городе, ни на крымских курортах. На курортах они были даже выше, чем в Сибири: местные наживались на курортниках.

Ошеломленная Мария Сергеевна кинулась покупать и наполнять корзину всем, что только позволили купить ее последние деньги. Какие уж там деньги в конце отпуска! Ее стремление явно разделяли другие пассажиры, ибо из вагонов высыпало их великое множество. Никого не заботило то, что стоянка явно была очень короткой: станция настолько невелика, что Мария Сергеевна ее так в суматохе и не увидела. И до сих пор не знает, что это была за станция.

Покупая то то, то другое, она дошла до молодой женщины. Здесь пришлось подождать сдачи, женщина полезла за ней в карман под фартук. Мария Сергеевна случайно взглянула на свой состав и обомлела: он медленно двигался вперед. Виднелся уже ее последний вагон. «Не успею!» - мелькнуло в голове. И она, забыв все на свете, бросилась к какому-то вагону. Ей удалось встать одной ногой на нижнюю ступеньку, кто-то надавил на ее спину, и она вместе с толпой ввалилась в тамбур. Уф! Успела! И вдруг в раскрытую дверь вагона влетел красный тапochek. «Чей?», - удивились люди. «Мой», - сказала Мария Сергеевна. Послышались смешки. Затем раздался заполосный женский крик: «Сдачу возьмите, сдачу». «Чья?» - «Моя», сказала опять она и получила деньги. Засмеялись громче, кто-то сказал: «Вот растяпа». А когда в дверной проем вплыла ее крымская корзина, хохотал уже весь тамбур.

Толпа в тамбуре понемногу рассасывалась: люди расходились по своим вагонам. Но когда Мария Сергеевна наклонилась к своей вновь приобретенной корзине, произошел последний акт растяпства: по полу рассыпались какие-то красные шарики. Да это ж вишни из кулечка который она держала на согнутой руке!

С помощью какой-то женщины она дотащила свою многострадальную корзину до своего тамбура. Почему многострадальную? А потому, что ее страданиям было суждено еще не кончиться. Только Мария Сергеевна приступила к зудению мужа (стоишь дескать, безза-

ботный в то время, как твоя жена...), как тяжеленная дверь тамбура распахнулась от мощного толчка каких-то парней, и... бедная корзинка опрокинулась. Парни по инерции протопали по ее овощам и фруктам в вагон. А ей пришлось с помощью своего «беззаботного» собирать уцелевшие и сметать веником «безвременно почившие».

Зато потом попутчики и чувствующий себя виноватым муж (как же ведь она чуть от поезда не отстала!) хрустели «выжившими» огурцами и яблоками и весело хохотали над ее приключением. А уж подать его в смешном виде она умела.

А потом она спрашивала себя и мужа: отчего такой переполох вызвало медленное движение состава? Ведь должны же люди понимать, что машинист не вправе оставить такое большое число пассажиров и уехать. Да какое тут понимание, ведь паника толпы всегда заразительна. Особенно среди людей немолодых. Например, сама Мария Сергеевна хорошо помнила по рассказам матери и своим небольшим детским впечатлением, что в войну немало семей порастерялось во время эвакуации, под бомбежками. Поезда тогда ходили не по расписанию и могли двинуться без предупреждения в любое время. А потом люди годами разыскивали своих детей, родителей, братьев, сестер. А теперь даже и через телепередачу «Жди меня». Но это люди пожилые. А молодые? Неужели им передалось с генами?

Это приключение она вспоминала теперь с ностальгией по прежним, как ей казалось, золотым временам, когда было меньше равнодушия друг к другу, больше сочувствия. А сочувствие, в ее понимании, это совместное чувство, чувство солидарности, взаимопомощи, человечности, в конце концов.

Ей напоминало иногда об этом богатство рыночных прилавков, хотя и с «кусачими» ценами. А также проходящей перед ее окнами железнодорожной состав. Ведь она живет совсем рядом с железной дорогой, вызывающей мечту о каких-то других краях, о какой-то другой, более разумной и счастливой жизни.

Бушкова Т.И.